

Нет автора

**Отчет о тринадцатом присуждении наград
графа Уварова**

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Отчет о тринадцатом присуждении наград графа Уварова / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 406 с.

ISBN 978-5-458-00250-9

ISBN 978-5-458-00250-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТЧЕТЪ

0

ТРИНАДЦАТОМЪ ПРИСУЖДЕНИИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА,

читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ,
25 сентября 1870 года, Непремѣннымъ Секретаремъ **К. С. Веселовскимъ**.

Въ настоящемъ году происходило тринадцатое присужденіе награды, учрежденныхъ графомъ А. С. Уваровымъ въ память о его покойномъ отцѣ, бывшемъ Президентѣ Академіи Наукъ, графѣ С. С. Уваровѣ, и имѣющихъ цѣлю поощрять русскихъ писателей къ изслѣдованіямъ въ области русской и славянской исторіи и къ занятіямъ драматическою словесностью.

Драматическихъ сочиненій, представленныхъ на нынѣшній разъ въ Академію, было два: одно печатное и одно рукописное. Рассмотрѣніе ихъ и произнесеніе о нихъ приговора Конференція Академіи поручала особой комиссіи, состоявшей, подѣ председательствомъ Непремѣннаго Секретаря, изъ гг. Академиковъ: А. В. Никитенко, И. И. Срезневскаго, Я. К. Грота, П. П. Пекарскаго, А. Ѳ. Бычкова, В. В. Вельяминова-Зернова и Н. Г. Устрялова. Впослѣдствіи, по причинѣ отсутствія г. Вельяминова-Зернова изъ Петербурга и кончины г. Устрялова, ихъ мѣсто, въ составѣ комиссіи, заступали А. А. Кунякъ и М. И. Броссе.

По приглашенію этой комиссіи, г. Никитенко составилъ разборъ обѣихъ пьесъ. Соглашаясь съ мнѣніемъ рецензента, комиссія наша, что ни та, ни другая пьеса не представляетъ собою той совокупности достоинствъ, по которой можно было бы при-

Увар. отч.

знать ее заслуживающею преміи, и посему единогласно постановила, что въ настоящемъ году нѣтъ повода къ присужденію награды за драматическое произведеніе.

Что касается до историческихъ сочиненій, то на нынѣшній конкурсъ ихъ представлено было въ Академію одиннадцать; кромѣ того оставалось одно, отложенное отъ прошлогодняго конкурса. Въ числѣ этихъ двѣнадцати сочиненій десять было печатныхъ и два рукописныхъ. Коммиссія, которую Конференція Академіи назначала для разсмотрѣнія этихъ трудовъ, состояла, подѣ предсѣдательствомъ Непремѣннаго Секретаря, изъ гг. Академиковъ: Н. Г. Устрялова, И. И. Срезневскаго, П. П. Пекарскаго, Я. К. Грота, А. А. Куника, А. Ф. Бычкова и А. В. Никитенко. По смерти г. Устрялова, вмѣсто него въ члены коммисіи былъ назначенъ М. И. Броссе.

Приступивъ къ исполненію возложеннаго на нее порученія, коммиссія устранила изъ конкурса четыре сочиненія, какъ относящіяся по предмету своему къ числу такихъ, которыя, на основаніи правилъ, не допускаются къ соисканію премій. За тѣмъ для остальныхъ восьми сочиненій, коммиссія избрала рецензентовъ, частью изъ среды своей, частью изъ постороннихъ ученыхъ, и пригласила ихъ сообщить ей подробные разборы конкурсныхъ произведеній къ назначенному для того сроку.

По полученіи этихъ рецензій, коммиссія, найдя, что одна изъ нихъ не можетъ служить для коммисіи основаніемъ къ постановленію приговора о сочиненіи, положила это сочиненіе отложить до слѣдующаго Уваровскаго конкурса.

Затѣмъ по внимательномъ обсужденіи сравнительнаго достоинства прочихъ семи сочиненій, коммиссія, въ засѣданіи 10 сентября, положила одно изъ нихъ удостоить большою Уваровскою наградою (въ 1500 р.) и 6 меньшихъ наградъ (въ 500 р. каждая).

I.

Сочиненіе, увѣнчанное большою преміею, озаглавлено: *Обзоръ Хронографовъ русской редакціи, Андрея Попова*; 2 выпуска, съ приложеніемъ *«Изборника Славянскихъ и Русскихъ сочиненій и статей вмесенныхъ въ хронографы русской редакціи.»* Москва 1866—1869.

Подъ именемъ хронографовъ извѣстны у насъ сборники повѣствованій о временахъ минувшихъ отъ сотворенія міра до той или

другой эпохи византийской истории, нередко доведенные до падения Царьграда и даже до позднейшаго времени. Эти сборники, касающиеся одинаково событий церковных и гражданских, были въ древнее и старинное время единственнымъ источникомъ для изученія всемірной истории и потому довольно часто были переписываемы. Первоначально они составляли дословный переводъ греческихъ книгъ— и въ такомъ видѣ появленіе ихъ въ славянской письменности относится болѣею частию къ отдаленному времени ея перваго разсвѣта, къ X—XI вѣку. Другой родъ хронографовъ, явившійся значительно позже, представляетъ сводъ извѣстій изъ разныхъ книгъ, со ставками по славянской и русской истории. Количество вставокъ увеличивалось постепенно, и вообще онѣ распадаются на два разряда: однѣ суть лѣтописныя замѣтки, другія особенныя сказанія и повѣсти. Каждая изъ двухъ частей состава хронографовъ, греческая и славянская, имѣютъ значеніе для изслѣдователей, какъ по богатству представляемыхъ хронографами историческихъ указаній, такъ и по множеству данныхъ для знакомства съ старинной русско-славянской литературой. Между тѣмъ эта часть нашей древней письменности оставалась почти совершенно неизвѣстною; причиною того была трудность, съ которою сопряжено изученіе хронографовъ. Рукописей, въ которыхъ встрѣчаются они, существуетъ множество; но хранятся онѣ въ разныхъ бібліотекахъ, общественныхъ и частныхъ, а многія лежатъ въ хламѣ, никѣмъ незнаемыя, и лишь случайно попадаютъ въ продажѣ. Только о нѣкоторыхъ изъ этихъ списковъ хронографовъ до сего времени были изданы отрывочныя извѣстія, помѣщенные въ описанія рукописей и другихъ подобныхъ трудахъ; особаго же изслѣдованія, которое было бы посвящено сличенію и критической оцѣнкѣ различныхъ редакцій хронографовъ, у насъ не существовало.

Желая содѣйствовать пополненію этого пробѣла, Академія Наукъ, въ 1857 и 1860 годахъ, обращала вниманіе изслѣдователей на собственно славянскую часть содержанія хронографовъ и предлагала ей разборъ, какъ задачу на соисканіе поощрительной награды графа Уварова. При этомъ она требовала отъ тѣхъ, кто взялся бы за это дѣло, удовлетворительнаго бібліографическаго обзорѣнія списковъ хронографовъ, описанія южно-славянскихъ и русскихъ статей въ хронографахъ, съ показаніемъ ихъ содержанія, и наконецъ сличенія ихъ съ тѣми ихъ списками, которые находятся въ лѣтописяхъ и отдѣльныхъ сборникахъ, по отношенію къ изложенію. Кромѣ того Академія ожидала отъ конкурентовъ, какъ важнаго дополненія къ

ихъ труду, разбора филологическихъ и историографическихъ отношений, по которымъ можно было бы рѣшить, какія изъ южно-славянскихъ и русскихъ статей появляются въ хронографахъ раниѣе, чѣмъ въ лѣтописяхъ и сборникахъ, и что зашло въ хронографы изъ лѣтописей и другихъ книгъ.

Не смотря на сдѣланный Академіею двукратный вызовъ и на довольно продолжительный срокъ, назначенный для доставленія отвѣтовъ на задачу, такихъ сочиненій къ сроку не явилось. Можно было думать, что и долго еще не найдется изслѣдователя, который рѣшился бы взяться за разработку хронографовъ, и что свѣдѣнія о нихъ будутъ увеличиваться постепенно, по мелочамъ, посредствомъ описаній рукописей и изданія выписокъ изъ нихъ, посредствомъ частныхъ слѣченій статей, находящихся въ хронографахъ, между собою и со сказаніями другихъ письменныхъ памятниковъ и т. п., какъ вдругъ сочиненіе г. Андрея Попова, представленное на нынѣшній конкурсъ, явилось блестящимъ рѣшеніемъ задачи, предложенной Академіею.

Разсмотрѣніе этого сочиненія коммиссія поручала Академику Срезневскому. Въ составленной имъ рецензіи, г. Срезневскій, послѣ указанія на трудности, съ которыми пришлось бороться автору, отдаетъ справедливость «столько же силѣ воли, помогшей г. Попову не оставить утомительной, часто кропотливой работы, пока не «доведена она до конца, сколько и его умѣнью братья за рѣшеніе «научной задачи». «Плодомъ этой усидчивости и таланта было, по «словамъ г. Срезневскаго, то, что одна изъ самыхъ темныхъ и въ то «же время самыхъ важныхъ частей нашей старинной литературы «освѣтилась разомъ такъ, что стала доступною даже и невооруженному глазу и разомъ истолкована трудами одного человѣка лучше, «чѣмъ нѣкоторыя другія части, надъ которыми трудились многіе».

Затѣмъ рецензентъ вкратцѣ излагаетъ выводы, добытые авторомъ. Разсмотрѣвъ болѣе полтора ста списковъ хронографовъ, онъ нашелъ, что всѣ они составляютъ видоизмѣненіе нѣсколькихъ редакцій, изъ которыхъ древнѣйшая «Лѣтописецъ-Еллинскій и Римскій» предшествовала другимъ, болѣе сложнымъ трудамъ этого рода. За этимъ Лѣтописцемъ, который разсмотрѣнъ г. Поповымъ въ пяти спискахъ, слѣдуетъ хронографъ, являющійся въ трехъ редакціяхъ, изъ которыхъ послѣдняя доведена до временъ царя Михаила Феодоровича. Число списковъ этого хронографа весьма значительно. Отъ всѣхъ этихъ видоизмѣненій стараго хронографа отличается хронографъ, основанный на временникѣ Георгія Амартола,

найденный г. Поповымъ въ двухъ спискахъ, отличающихся другъ отъ друга. Не менѣе отличны отъ предъидущей категоріи хронографы позднѣйшаго состава, которыхъ авторъ насчитываетъ 11. Распредѣливъ такимъ образомъ рассмотрѣнные имъ хронографы, г. Поповъ опредѣляетъ составъ каждой ихъ редакціи, отмѣчаетъ всѣ важнѣйшіе ихъ варианты и выводитъ заключенія о вѣроятномъ ихъ происхожденіи.

Все это однако, по словамъ г. Срезневскаго, можетъ дать только слабое представленіе о громадности и важности труда, исполненнаго усерднымъ изслѣдователемъ; для полной оцѣнки книги г. Попова необходимо внимательное чтеніе ея: оно одно можетъ убѣдить въ томъ, что авторъ не пренебрегъ ничѣмъ для уясненія темноты, за которою скрывались до сихъ поръ содержаніе хронографовъ, ихъ разнообразіе и разнородные ихъ источники. Желающій изучать хронографы ли вообще или отдѣльныя ихъ части и внесенныя въ нихъ статьи, можетъ обратиться къ сочиненію г. Попова съ полной увѣренностью, что найдетъ въ ней тѣмъ больше указаній и объясненій, чѣмъ важнѣе вопросъ, ихъ вызывающій. У другихъ изслѣдователей г. Поповъ заимствовалъ очень немногое; но и это заимствованное проверено имъ съ тѣмъ же вниманіемъ, съ которымъ онъ выводилъ собственныя заключенія. Нерѣдко, высказанное въ его книгѣ лишь нѣсколькими словами, есть выводъ изъ разнообразныхъ, имъ самимъ найденныхъ данныхъ и соображеній, требовавшихъ многихъ сличеній и продолжительной, разносторонней повѣрки. Нельзя упустить изъ вида и того, что сочиненіе г. Попова заключаетъ въ себѣ, какъ существенную часть, изслѣдованія не только о различныхъ статьяхъ хронографовъ, но и о самыхъ ихъ источникахъ какъ византійскихъ по славянскимъ переводамъ, такъ и собственно славянскихъ. Въ этомъ отношеніи его трудъ имѣетъ большую важность для ближайшаго изученія древней и старинной славяно-русской литературы.

Множество любопытныхъ выписокъ изъ хронографовъ, разсѣянныхъ въ книгѣ г. Попова, облегчаютъ пониманіе содержанія разсматриваемыхъ имъ памятниковъ, ихъ слога и языка. Извлеченія изъ хронографовъ, не могшія, по объему своему, войти въ самое сочиненіе или представляющія меньшую важность въ историческомъ и литературномъ отношеніи, авторъ издалъ отдѣльно, въ видѣ приложения къ своему труду. Этотъ «Изборникъ», если бы даже не сопровождалъ замѣчательное сочиненіе г. Попова, составилъ бы

существенное обогащеніе наданныхъ памятниковъ старинной русской письменности.

Сочиненія, удостоенныя меньшихъ наградъ, суть слѣдующія:

II.

Первоначальный Славяно-Русскій Номоканонъ. А. Павлова. Казань 1869 г.

Разборъ этой небольшой, но образцовой по приемамъ изслѣдованія книжки, былъ составленъ, по порученію комиссіи, однимъ изъ ея членовъ, И. И. Срезневскимъ, который въ началѣ своей рецензіи вкратцѣ излагаетъ содержаніе труда г. Павлова.

Авторъ имѣлъ цѣлью бросить свѣтъ на первую и самую темную страницу въ исторіи источниковъ византійскаго права, принесенныхъ къ намъ, вмѣстѣ съ христіанствомъ, въ греческомъ номоканонѣ, или такъ называемой «Кормчей Книгѣ», а именно разяснить вопросъ о томъ, съ какого времени появился на Руси и вошелъ въ употребленіе переводъ номоканона. Этотъ вопросъ тѣмъ важнѣе, что онъ долженъ служить исходною точкою при разрѣшеніи другаго, капитальнаго вопроса о вліяніи греко-римскаго права на русское въ періодъ Русской Правды и первыхъ нашихъ церковно-уставныхъ грамотъ. Ученые, спеціально занимавшіеся задачею, остановившею на себѣ вниманіе г. Павлова, отвѣчаютъ на нее повидимому съ одинаковою степенью вѣроятности, указаніемъ на двѣ различныя эпохи: по мнѣнію Митрополита Евгенія, Славянская Кормчая принесена къ намъ изъ Болгаріи вмѣстѣ съ другими церковными книгами, при самомъ обращеніи Руси въ христіанство; напротивъ, баронъ Розенкампфъ, въ своемъ извѣстномъ «Обозрѣніи Кормчей Книги», выражаетъ мысль, что списки этой книги, хотя и существовали на Руси еще въ древности, однако до половины XIII вѣка были рѣдки; въ употребленіи же были преимущественно греческіе списки. Для того, чтобы опредѣлить сравнительную прочность основаній, на которыхъ строится то или другое рѣшеніе вопроса о Славянской Кормчей въ древней Руси, г. Павловъ счелъ необходимымъ провѣрить мнѣнія, уже высказанныя объ этомъ предметѣ и для того собрать и изслѣдовать извѣстныя доселѣ относящіяся до него данныя, а за тѣмъ искать новыхъ данныхъ, могущихъ уяснить дѣло.

По отзыву рецензента, первую часть своей задачи г. Павловъ исполнилъ превосходно: всѣ прежде извѣстныя данныя онъ ра-

зобразить самостоятельно, осветить их богатым и разнообразным подбором объяснительных показаний и вывести, что уже «с точки зрения исторических обстоятельств открывается безусловная необходимость славянского перевода Кормчей для управления русскою церковью въ XI и XII вѣкахъ.» Между прочимъ, авторъ доказываетъ здѣсь, что въ древнѣйшихъ памятникахъ собственно русскаго каноническаго права встрѣчаются указанія на существованіе въ XII вѣкѣ церковныхъ каноновъ въ славянскомъ переводѣ.

Разсмотрѣніе этого положенія привело г. Павлова къ поиску такихъ списковъ Кормчей, которые должны быть отнесены къ домонгольскому періоду; въ числѣ ихъ онъ разсматриваетъ нѣсколько любопытныхъ списковъ, дополняя и уясняя описанія, сдѣланныя другими. Въ окончательномъ результатѣ этой существенной части изслѣдованія, г. Павловъ приходитъ къ убѣжденію, что и до времени митрополита Кирилла II-го въ русской церкви употреблялись въ славянскомъ переводѣ тѣ же самые номоканоны, какіе существовали въ церкви греческой, т. е. Номоканонъ Іоанна Схоластика и Номоканонъ въ XIV титулахъ.

Остальную часть сочиненія г. Павлова можно назвать дополнительной, такъ какъ она содержитъ въ себѣ заключенія автора о вѣкоторыхъ частностяхъ, безъ приведенія изслѣдованій, на которыхъ основываются эти заключенія. Памятники, о которыхъ идетъ здѣсь дѣло, не разсмотрѣны ни каждый въ отдѣльности, ни сравнительно между собою, и это, по мнѣнію рецензента, тѣмъ болѣе жаль, что ни одинъ изъ этихъ памятниковъ не былъ до сихъ поръ основательно изслѣдованъ. Нельзя однако сомнѣваться, что г. Павлову они знакомы гораздо болѣе, чѣмъ сколько знакомится съ ними читатель изъ его сочиненія.

Въ заключеніе своей рецензій, г. Срезневскій находитъ, что вопросъ, которымъ занялся г. Павловъ, нельзя считать окончательно рѣшеннымъ въ его изслѣдованіи. Но рѣшить его и невозможно, пока не будутъ устранены сомнѣнія относительно древности двухъ памятниковъ, на которыхъ, какъ на главномъ основаніи, опирается общій выводъ; а эти сомнѣнія до тѣхъ поръ будутъ существовать, пока не доказаны вѣрность мнѣній Востокова и бар. Розенкампа объ одномъ изъ нихъ, о Румянцовскомъ спискѣ Кормчей XIII вѣка, какъ о спискѣ съ памятника глубокой древности, и необходимость предпочесть мнѣніе Ундольскаго о второмъ изъ нихъ, о спискѣ Кормчей Синодальной бібліотеки, съ Номоканономъ въ XIV титулахъ, какъ о памятникѣ XII вѣка, мнѣнію г. Буслеева,

Архимандрита Амфилохія и другихъ, относящихся его къ XIII вѣку. Для разъясненія этихъ сомнѣній необходимо изслѣдованіе означенныхъ памятниковъ въ отношеніи языка и письма, по соображенію съ доказательствами того, что они дѣйствительно такъ древни. Кромѣ того необходимы новыя данныя, которыя окончательно убѣждали бы, что Кормчая, до Митрополита Кирилла II, была на Руси въ общемъ употребленіи. Эти сомнѣнія, быть можетъ, уже уяснены г. Павловымъ для самого себя, но они недостаточно разъяснены его изслѣдованіемъ. Тѣмъ не менѣе то, что рассмотрѣно имъ подробно, приводитъ читателя къ заключеніямъ или неопровержимымъ, или такимъ, которыя не могутъ быть опровергнуты безъ новыхъ изслѣдованій и открытія новыхъ данныхъ.

Но не это одно, по словамъ рецензента, составляетъ достоинство сочиненія г. Павлова: «оно отличается и другими качествами, дающими автору право на уваженіе. Это не черновой трудъ, въ который вошло все, что собрано изслѣдователемъ; это, такъ сказать, очищенный сокъ изъ богатыхъ и разнообразныхъ матеріаловъ. Автору было бы легко, вмѣсто тоненькой книжки, написать большую книгу, несравненно болѣе важную по содержанію, чѣмъ книга «Розенкампа»; но г. Павловъ предпочелъ представить только «необходимое, не сказать ни слова лишняго, ни слова мимоходомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ изложить свой предметъ съ такою полнотою, съ такимъ умѣньемъ всему дать приличное мѣсто, что нельзя не любоваться его изложеніемъ. Другое не менѣе важное достоинство «изслѣдованія г. Павлова заключается въ томъ, что онъ заботился «не о подѣскиваніи доказательствъ для утвержденія какого нибудь «предвзятаго мнѣнія, а о подборѣ возможно-большаго количества «данныхъ, годныхъ для рѣшенія вопроса, объ отысканіи новыхъ «данныхъ и о пополненіи и повѣркѣ прежде извѣстныхъ, съ тою «цѣлью, чтобы вопросъ объяснился самъ-собою. Поэтому выводы, «къ которымъ онъ пришелъ, не могли быть иными и не составляли «для него желанную цѣль, а были необходимостью».

III.

Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ, соч. М. Владимірскаго-Буданова.

Поставляя себѣ неизмѣннымъ долгомъ изыскивать всѣ средства къ тому, чтобы въ приговорахъ своихъ о конкурсныхъ сочиненіяхъ соблюдать осмотрительность, Академія считаетъ себя сча-

стивою, что при сужденіи своемъ о книгѣ г. Владимірскаго-Буданова она могла принять въ основаніе такой подробный и основательный разборъ, какой доставленъ ей доцентомъ Варшавскаго университета, Ад. Ив. Павинскимъ.

Признавая за сочиненіемъ г. Владимірскаго-Буданова весьма важное значеніе, рецензентъ прежде всего указываетъ на трудности, которыя пришлось преодолѣть автору. Въ русской литературѣ нѣтъ ни одного изслѣдованія ни вообще о Нѣмецкомъ правѣ, ни въ частности о городскомъ Магдебургскомъ правѣ въ Польшѣ и Литовско-русскомъ государствѣ; въ польской же и нѣмецкой литературахъ не только господствуютъ разнообразныя, иногда прямо противоположныя мнѣнія объ этомъ предметѣ, но и вообще не существуетъ полной монографіи, которая давала бы общее понятіе о городахъ и о ихъ значеніи въ Польскомъ королевствѣ. По мнѣнію рецензента, сочиненіе г. Владимірскаго-Буданова есть первый трудъ обширныхъ размѣровъ, въ которомъ сведены въ одно цѣлое разрозненные матеріалы и предложены новые выводы, подвигающіе значительно впередъ вопросъ о польскихъ городахъ. Такимъ образомъ, пролагая путь къ дальнѣйшимъ розысканіямъ по этой части, онъ послужитъ исходною точкою для изслѣдованій относительно другихъ частей государственнаго права въ Польшѣ.

Бѣдственное положеніе городовъ въ юго-западномъ краѣ и разстройство ихъ въ экономическомъ отношеніи приводятъ автора къ вопросу о причинахъ этого явленія. До сихъ поръ былое процвѣтаніе этихъ городовъ приписывалось ихъ самоуправленію и свободному устройству, тогда какъ, по убѣжденію г. Владимірскаго-Буданова, именно это-то муниципальное устройство, основанное на Магдебургскомъ правѣ, и было главною причиною ихъ упадка. Такъ какъ подобное положеніе нельзя доказать при помощи однихъ актовъ городского управленія, относящихся въ XVII и XVIII столѣтіямъ, то авторъ старался выяснитъ тѣсно связанный съ избраннымъ имъ предметомъ общій вопросъ о городскомъ устройствѣ въ Польшѣ, о его происхожденіи и развитіи, и установить точку зрѣнія, съ которой слѣдуетъ смотрѣть на устройство городовъ въ юго-западномъ краѣ. Вслѣдствіе этого сочиненіе г. Владимірскаго-Буданова распадается на двѣ части: общую и частную, посвященную упадку городовъ въ юго-западной Руси исхода XVII вѣка.

Рецензентъ входитъ въ оцѣнку выводовъ автора въ обѣихъ частяхъ его изслѣдованія и тамъ, гдѣ расходится съ его взглядами,

подробно развиваетъ основанія, на которыхъ онъ опирается. По специальности предмета, и по множеству вопросовъ, изъ которыхъ онъ слагается, мы не можемъ вдаваться здѣсь во всѣ части этого ученаго пренія; замѣтимъ только, что авторъ, по отзыву г. Павинскаго, въ первой части своего сочиненія не воспользовался всѣми извѣстными до сихъ поръ матеріалами и потому пришелъ къ заключеніямъ, которыя рецензентъ считаетъ нужнымъ видоизмѣнить на основаніи историческихъ данныхъ: а именно къ заключеніямъ объ ослабленіи княжеской власти и уменьшеніи ея финансовыхъ средствъ вслѣдствіе введенія Нѣмецкаго права. Рецензентъ пробуетъ исправить происшедшее отъ того же недостатка печатныхъ источниковъ, мнѣніе автора касательно возникновенія старостинской власти, находя, что оно не подтверждается историческими свидѣтельствами. Кромѣ того онъ указываетъ на нѣкоторые второстепенные вопросы, ускользнувшіе отъ вниманія автора. За всѣмъ тѣмъ въ цѣломъ сочиненіе г. Владимірскаго-Буданова замѣчательно по старательному изученію большого числа разрозненныхъ источниковъ; въ послѣдней его части является неизвѣстный доселѣ рукописный матеріалъ. Вообще же этотъ трудъ отличается строгою систематичностью изложенія, вѣрнымъ толкованіемъ источниковъ и свидѣтельствуетъ о необыкновенной начитанности автора, о самостоятельности его критики и объ остроуміи въ общихъ выводахъ.

IV.

Домашній бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ.
Сочиненіе И. Забѣлина. Москва. 1869 года.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Академія увѣнчала одною изъ Демидовскихъ премій и полною Уваровскою наградою первый томъ этого сочиненія, имѣющаго цѣлью разяснить такую сторону русскаго быта, которая оставалась, конечно по недостатку матеріаловъ, почти нетронутою въ нашей литературѣ. Авторъ поставилъ себѣ задачею изслѣдовать исторію древне русскаго семейнаго быта и началъ рядъ работъ по этому предмету разысканіями о древнемъ домашнемъ бытѣ русскихъ царей, пользуясь для этого пособіями, представлявшимися ему въ Московскихъ архивахъ. Свои первые опыты обработки этого матеріала онъ обнародовалъ лѣтъ двадцать тому назадъ. Съ тѣхъ поръ онъ усердно продолжалъ свои разысканія, такъ что въ настоящее время, во второй части своего сочиненія, былъ въ состояніи начертать, на основаніи массы